

Реализм и идеализм в нашей литературе

(По поводу нового издания сочинений Писемского и Тургенева)

Аполлон Григорьев. Сочинения в двух томах
Том второй. Статьи. Письма
М., "Художественная литература" 1990
Составление с научной подготовкой текста и комментария Б. Ф. Егорова
[OCR Бычков М. Н.](#)

I

Повсеместное господство так называемого *реализма* в искусстве и литературе вообще и в нашей литературе в особенности -- факт почти что общепризнанный. Но что именно такое *реализм*, равно как и что такое противопологаемый ему *идеализм*, мы или не знаем вовсе, или забыли (после Белинского), или знаем очень смутно. Обыкновенно мы думаем -- если слово "думаем" приложимо к неясным, почти что безотчетным головным данным,-- вот как.

Со смертью Байрона, Пушкина, Лермонтова, Мицкевича идеализм в искусстве кончился -- это были его последние могучие представители, последние, которые сообщали ему силу и обаяние. В чем заключались сущность, сила и обаяние их идеализма -- противопологаемого реализму современных нам писателей, мы не определили, да, может быть, даже полагаем, что и определять не стоит. В лиризме ли, то есть в некоторой сверхобычности (чтобы не сказать сверхъестественности) взгляда на жизнь (миросозерцания) и строя чувствований -- в способе ли изображения жизни чертами более широкими, чем подробными, и более синтетическими, чем аналитическими,-- в протесте ли, наконец, и тревожном недовольстве действительности,-- неизвестно. Да и не все ли равно -- думаем мы! В лиризме, так в лиризме,-- в протесте, так в протесте! Дело в том, что "боги" отошли, а "божки" нам надоели своим чисто личным, иногда странным и капризным, иногда даже совершенно никому, кроме их самих, не понятным лиризмом. Нам надоели давно (и совершенно справедливо, можно прибавить) и "гордые страданья"¹ и "права проклятия"² поэтиков с голоса Лермонтова -- нам надоели и воспроизведения античных созерцаний и чувствований -- дошедшие, наконец, до наивного, но несколько не забавного цинизма в стихах какого-нибудь г. Тура: мы и Майкова-то с его строгою красотой форм терпим только по старой вере и старой памяти. Нам надоели и тонко-капризные ощущения поэтов фаланги Гейне...³ Нам надоели и анализы исключительных натур, поставленных в исключительные положения в повестях сороковых годов: они чуть что так же не смешны нам с их глубокими, мечтательно-затаенными или враждующими с каким-нибудь губернским или уездным мирком страстями, с их протестом против *душной* и *грязной* действительности, не понимающей их исключительных чувствований и положений -- как Звонские, Лидины и Гремины Марлинского...⁴ Нам надоели и Печорины, когда они разменялись на героев графа Соллогуба и на Тамарина г. Авдеева... Нам все это надоело -- но *что* именно во всем этом надоело, это -- дело нерешенное.

Действительности! правды отношений к жизни и правды изображений жизни -- искренности -- самой беспощадной в анализе собственных и чужих ощущений! -- кричим мы теперь все в один голос. Но, милостивые государи! Разве не правду жизни изображали нам и разве не искренны были Байрон, Пушкин, Мицкевич, Лермонтов -- разве не правду жизни, не беспощадную правду сердца человеческого анализировал перед нами последний из писателей XIX века, которому смело можно дать имя поэта, великая, хотя и мало пользующаяся сочувствием "Библиотека для чтения" и "Отечественных записок" 1861 года, женщина-поэт Занд?⁵ Разве не была она вполне искренна по-своему везде и всегда -- даже до сих пор, кроме своих несчастных теоретических романов и своих еще более несчастных записок?...⁶

Действительности, правды, искренности -- выкликаем мы давно уже на разные лады "голосами разными" -- и в ответ нам являлись то писатели, которые представляли нам чистую действительность и уравнивались взглядом на жизнь с практическими стремлениями российской бюрократии или практических реформаторов Штольцов; то другие, которые, в скептическом анализе собственных и чужих